

АГЕНТ: ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ

КНИГА 1

ЖИЗНЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ИЗ БУДУЩЕГО — В ПРОШЛОЕ.
БЕЗ ПРАВИЛ. БЕЗ ПАСПОРТА. С ОДНОЙ ЦЕЛЮ — ВЫЖИТЬ.
ДРУЖБА. ЧЕСТЬ. ИМПЕРИЯ.

Максим Платов

Агент: Возвращение в Российскую Империю. Жизнь в Российской Империи

<https://litres.ru/74233453>

SelfPub; 2026

Аннотация

Историк-архивист Алексей Воронцов из 2023 года неожиданно попадает в Москву 1887 года — в самое сердце Российской Империи. Без документов, денег и связей, он оказывается в чужом времени, где единственный его капитал — знания из будущего и латунная фляга деда. Случайная драка сводит его с отставным поручиком Дмитрием Оленевым, ветераном штурма Геок-Тепе, картёжником и дуэлянтом.

Между ними завязывается дружба, какой ещё не знала Империя. Но чтобы выжить, Алексею нужно не только придумать легенду, но и помочь новому другу отстоять родовое имение в суде против могущественного купца Плотникова. Битва за землю превращается в битву за будущее. В ход идут инженерные расчёты, военная смекалка и отвага. А впереди уже маячат новые испытания — голод, интриги и грозное предупреждение истории.

Первая книга цикла «Возвращение в Российскую Империю».
Историческая фантастика, приключения, мужская дружба.
Только на ЛитРес.

Максим Платов
Агент: Возвращение
в Российскую
Империю. Жизнь в
Российской Империи

Глава 1

Пролог. Среда, которая не случилась

Среда, 22 июня 2023 года, выдалась на редкость паршивой. Именно такой, какую и ожидаешь от Петербурга, даже если на календаре почти середина лета. Мелкий, противный дождь моросил с самого утра, превращая город в серую акварель, размывая контуры новостроек и затягивая небо тяжелым, низким пологом.

Алексей Воронцов, тридцати двух лет от роду, стоял у окна съемной квартиры на Просвещения и допивал уже третью кружку растворимого кофе. За окном жизнерадостно сиял купол торгового центра, и эта фальшивая яркость только усиливала ощущение муторной, вязкой тоски. Вчера он закончил очередной проект — реставрацию купеческого особняка под очередной ресторан, — и сегодня позволял себе роскошь никуда не спешить.

«Историк-архивист на вольных хлебах», — с кривой усмешкой подумал он, глядя на свое отражение в темном стекле. Отражение смотрело хмуро: высокий, поджарый, с коротким ежиком русых волос и упрямым подбородком. Скорее мастер-ремонтник с научной степенью. Специализация по архитектуре и быту второй половины XIX века кор-

мила его ровно настолько, чтобы не завидовать менеджерам из ТЦ. Он разбирал кладку стен, как хирург, мог по фрагменту изразца восстановить орнамент печи, но доход приносили не диссертации, а умение найти контакт с прорабами и заказчиками.

Алексей допил кофе, поморщился от горечи и потянулся за телефоном. Тот, как назло, завис на очередном обновлении картографического приложения. «Карты Москвы 1888 года», — гласил заголовок загруженного им вчера файла. Новая работа. Очередной купец-самодур хотел воссоздать усадьбу по старинным планам и нанял его для консультаций по бытовым мелочам: где стояла конюшня, какой ширины должны быть сени, как запирались ворота. Работа пыльная, но спокойная.

Он бросил взгляд в угол комнаты, где на стуле сиротливо темнел старый, но еще крепкий кожаный рюкзак — привет от деда, геолога. Там лежали пара справочников, распечатки планов, блокнот, складной мультитул и старая дедова фляга в брезентовом чехле, которую Алексей таскал с собой скорее как талисман.

Внезапно и резко, без предупреждения, заныло в висках. Не так, как от духоты или недосыпа. Иначе — глубоко, пронзительно. В глазах поплыл серый туман, стекло окна будто пошло рябью, и на миг Алексею почудилось, что за окном вместо синего купола ТЦ проступили очертания чего-то совсем иного — купола церкви, облупленного и темного.

— Что за ерунда... — прошептал он, потряхнув головой. Звон в ушах нарастал, переходя в низкий, утробный гул. Страху еще не было, только запредельное изумление, когда реальность вдруг поплыла, как слой масла на воде. Пол качнулся. Алексей инстинктивно ухватился за подоконник, чувствуя, как пальцы немеют. Телефон выскользнул из ослабевших рук и с глухим стуком упал на ламинат, экраном вниз.

Мир вокруг схлопнулся в ослепительно-белую точку, чтобы через секунду взорваться какофонией абсолютно новых, чужих, невыносимо реалистичных запахов и звуков.

Глава 1. Понедельник, 4 сентября 1887 года

Первым, что осознал Алексей, была сырость. Густая, пробирающая до костей, пахнувшая прелой соломой, навозом и мокрым деревом. Он лежал на чем-то твердом и холодном, и каждая косточка в теле ныла, будто его долго и методично били.

Следом вернулся слух. Где-то совсем рядом раздавалось монотонное, ритмичное «кап-кап-кап», слышалось недовольное кудахтанье и далекий, надсадный собачий лай. Ни шума машин, ни гула самолетов, ни вездесущего ультра-баса из чьей-то приоткрытой форточки. Тишина, из которой состоял городской шум, была пугающе плотной.

Алексей с трудом разлепил веки. В глаза ударил тусклый, серый свет, сочащийся сквозь широкую щель в дощатой стене. Он лежал на куче слежавшейся, грязной соломы в каком-то сарае. Потолка не было — над головой темнели грубо отесанные стропила и прогнившие доски крыши, с одной из которых как раз и срывались тяжелые капли. Где-то в углу, в сумраке, ворочалась и недовольно квохтала курица.

Первая, еще вялая мысль: «Я вчера что, перебрал?». Вторая, мгновенно сменившая первую, холодная и ясная, как удар хлыста: «Я вчера вообще не пил».

Он резко сел, игнорируя протестующий стон мышц. На

нем была его одежда: джинсы, легкая серая толстовка, кроссовки. Все грязное, влажное, но его. Рука сама дернулась к карману. Пусто. Телефона не было. Ни налички, ни ключей. Только рюкзак, каким-то чудом оказавшийся прижатым к его боку, словно верный пес, не бросивший хозяина.

Дышать приходилось ртом — в нос бил густой, кислый запах нечистот и мокрой шерсти. Он, шатаясь, поднялся на ноги и, пригнув голову, выглянул в щель между досок.

Увиденное заставило его судорожно вцепиться в деревянную стойку.

Никакого ТЦ. Никаких стеклянных парапетов бизнес-центров. Узкий, заваленный всякой дрянью проулок. Глубокая, непролазная грязь, в которой вязли колеса стоящей поодаль телеги. Бревенчатые, почерневшие от времени дома, с маленькими, подслеповатыми оконцами. Покосившийся забор. И ни одной асфальтированной дороги.

— Бред... — прошептал он пересохшими губами. Собственный голос прозвучал глухо, неубедительно. — Этого не может быть. Это розыгрыш. Или я сплю.

Он до боли ущипнул себя за запястье. Ничего. Реальность была стопроцентной, вплоть до занозы, впившейся в ладонь, когда он инстинктивно схватился за косяк, чтобы не упасть. Мир вокруг не был декорацией. Он был старым. До жути старым. Так старым не выглядит даже самый аутентичный исторический парк.

Паника, горячая и липкая, начала подступать к горлу, но

Алексей, бывший не из робкого десятка, задавил ее в зародыше. Не время. Сначала — понять, где он, и есть ли отсюда выход.

Он отряхнул с толстовки прилипшие соломинки, закинул рюкзак на плечо и осторожно, стараясь не шуметь, толкнул шаткую дверь сарая. Дверь со скрежетом, от которого зашлось сердце, подалась.

Он вышел в проулок. Пахло сыростью и дымом. Дым был особенным — сладковато-терпким, березовым, совсем не похожим на химическую гарь мегаполиса. Под ногами противно чавкнуло. Кроссовки моментально утонули в холодной жиже.

Нужно найти людей. Узнать, что происходит.

Он двинулся вдоль покосившихся заборов к выходу из проулка, который выводил, кажется, на более широкую улицу. И сразу же столкнулся с ней.

Женщина в длинной, до щиколоток, сборчатой юбке и сером платке, надвинутом на самые брови, тащила два тяжелых ведра на коромысле. Она заметила его и на мгновение замерла, уставившись с откровенным, почти суеверным ужасом. Взгляд ее скользнул по его джинсам, по кроссовкам, по непривычно короткой стрижке, по рюкзаку. Губы ее беззвучно зашевелились, и она, перекрестившись торопливо, мелкими шажками почти побежала прочь, расплескивая воду, исчезая за воротами ближайшего дома.

Алексей выругался сквозь зубы. Его вид был здесь вызо-

вом. Инородным телом.

Он дошел до выхода на улицу и осторожно выглянул из-за угла. Это была не улица. Это была артерия другого мира. По грязной, разбитой колее медленно тащи́лась телега, груженная какими-то мешками. На облучке, сгорбившись, сидел мужик в армяке и картузе. Вдоль обочины, чавкая сапогами, шел мастеровой в промасленной одежде. Стук копыт, скрип несмазанных колес, гортанные крики разносчика — все это сливалось в какофонию чужой, невозможной жизни.

Взгляд Алексея упал на афишную тумбу — приземистую, обклеенную обрывками бумаг. Он подошел ближе, сердце колотилось где-то в горле. Обрывки афиш. Объявления. И на одном, еще не до конца сорванном листе, четко пропечатанная казенная шапка и текст:

«ОБЪЯВЛЕНИЕ ОТЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ГРАДО-НАЧАЛЬНИКА. Воспрещается...»

И дата. Год.

1887-й.

Алексей читал и перечитывал эти четыре цифры, и мир вокруг покачну́лся, теряя остатки стабильности. Это не костюмированная вечеринка. Не съемки фильма. Это прошлое. Реальное, грязное, потное, пахнущее дымом и навозом прошлое, в которое он угодил, как муха в янтарь.

Как? Почему? Ответов не было. Шок сменился холодной, расчетливой ясностью — той самой, что выручала его в самых безвыходных ситуациях на стройках и в спорах с заказ-

чиками. У него нет документов. Нет денег. Нет понятного социального статуса. Он — беспаспортный бродяга, которого первый же городской может сдать в участок, а там — этап и дознание. Он историк, он отлично знал, какая это будет процедура. В этой стране и в это время.

— Тихо, Леша, — прошептал он себе. — Дыши. Ты историк. Ты знаешь это время лучше, чем кто-либо из ныне живущих. Это твой единственный капитал. Нужно было срочно решить три проблемы: еда, ночлег и легализация. И первое, что пришло в голову — нельзя оставаться в центре, на виду.

Нужно искать окраину, ночлежку, место, где не задают вопросов. С деньгами... Стоп. Дедова фляга!

Он скинул рюкзак, дрожащими руками расстегнул его. Внутри — блокнот, складной нож-мультируль, старые карты, огрызок карандаша. И она — потяжелевшая, латунная, с выгравированной надписью «За отвагу». Тяжелая. Внутри еще плескалась вода. Алексей машинально открутил крышку, поднес к губам, и тут его осенило. Серебро. Или латунь. Вещь. Ее можно продать или обменять.

Он уже собирался закрутить крышку, когда услышал нарастающий шум — грубый хохот, звук ударов и сдавленный, полный боли стон. Звук доносился из-за поворота, из того самого проулка, откуда он только что вышел.

Инстинкты требовали не вмешиваться, раствориться, исчезнуть. Но тот, второй, глубинный импульс, за который его в университете называли «правдорубом», заставил замереть

и, осторожно ступая, заглянуть за угол.

Трое. Трое крепких, одетых в грязные рубахи и смазные сапоги парней избивали лежащего на земле человека. Четвертый, присев на корточки, спокойно шарил по его карманам. Жертва — кто-то в длиннополом сюртуке, измазанном грязью, — пытался закрывать голову руками.

В этот момент один из нападавших размахнулся, чтобы нанести особенно жестокий удар сапогом, но жертва, извернувшись каким-то невероятным усилием, ударила его головой в колено. Громила взревел и завалился на бок.

— Ах ты, падаль дворянская! — прохрипел он, поднимаясь. — Добивай его, ребята!

Дальше все произошло в одно мгновение. Алексей не был спецназовцем. У него не было черного пояса. Но он вырос в спальном районе, где умение драться было вопросом выживания, а работа с прорабами и гастарбайтерами на стройке отучила бояться вида крови и грубой силы.

Он не кричал, не предупреждал. Он просто рванул вперед, на бегу выхватив из рюкзака единственное, что было похоже на оружие — тяжелую латунную флягу, зажатую в кулаке как кастет.

Первый удар пришелся по затылку того, что сидел на корточках. Глухой, сочный звук. Парень даже не вскрикнул, просто завалился на бок. Двое других развернулись. В их глазах на миг мелькнуло удивление, сменившееся злобой. Они не поняли, кто перед ними, но быстро оценили чужака

в странной одежде.

— Ты кто таков, шпингалет? — прохрипел один, вытаскивая из-за голенища что-то блеснувшее. Нож.

— Пошел вон, — коротко бросил Алексей. Голос прозвучал неожиданно спокойно. — Вам же хуже будет.

Это было чистой воды блефом. Но времени на раздумья нападавшим он не дал. Когда второй бандит кинулся на него с занесенным кулаком, Алексей сделал шаг в сторону и со всей силы ударил его флягой в висок. Тот, взыв, схватился за голову, а нож выпал в грязь.

Человек, лежавший на земле, воспользовавшись моментом, рывком поднялся и вцепился в последнего, того, что хромот. Незнакомец оказался неожиданно сильным, с яростным, голодным блеском в глазах. Вдвоем с Алексеем, без лишних слов, они в несколько секунд скрутили и отбросили последнего противника. Бандиты, подхватив оглушенного подельника и яростно ругаясь, скрылись за поворотом.

Наступила внезапная, звенящая тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием.

Алексей опустил флягу. Руки дрожали. Он посмотрел на спасенного.

Это был молодой мужчина, примерно его лет, может, чуть младше. Даже под слоем грязи и синяков, расплывшихся по лицу, угадывалась благородная порода: высокие скулы, прямой нос, умные серые глаза. Одежда, хоть и изорванная, была сшита из дорогого сукна. Сюртук, жилет, разорванный во-

рот светлой сорочки. Из кармана свисала оборванная цепочка от часов.

Он тяжело дышал, прижимая руку к ребрам, но смотрел на Алексея не с испугом, а с жадным, изучающим интересом. Взгляд его скользнул по джинсам, толстовке, рюкзаку и задержался на латунной фляге.

— Merci, — выдохнул он на французский манер, и тут же поправился, переходя на чистый русский язык с едва уловимым аристократическим выговором: — Благодарю, сударь. Вы подросли очень кстати. Еще минута, и эти мерзавцы отравили бы меня на тот свет.

— Не за что, — Алексей не узнал собственный голос. Он спешно запихнул флягу обратно в рюкзак.

— Вы целы?

— Пара сломанных ребер. Ерунда. — Незнакомец усмехнулся разбитыми губами, но глаз не отвел. Он, казалось, вообще не умел отводить взгляд. — Позвольте представиться: Дмитрий Петрович... а впрочем, к черту церемонии. Для вас — просто Дмитрий. А вы, простите за прямоту, одеты, как марсианин. Кто вы, сударь?

Алексей открыл было рот, чтобы соврать, придумать первую легенду, но вдруг понял: что бы он ни сказал сейчас, это будет звучать глупо. А этот человек, с его прямым взглядом, только что видел его в деле и рисковал жизнью. Может, это и есть тот самый шанс, о котором пишут в романах?

Он выпрямился, встретил испытующий взгляд серых глаз

и ответил так, как никогда бы не ответил в своем времени:

— Меня зовут Алексей. Алексей Воронцов. И, боюсь, Дмитрий, вы не поверите мне, если я скажу, откуда я пришел.

Дмитрий вытер рукавом кровь с губы, и в его глазах, несмотря на боль и пережитый ужас, зажглись веселые, почти мальчишеские искры авантюризма.

— А вы попробуйте, Алексей. Я, знаете ли, за последние полчаса трижды попрощался с жизнью. Моя способность удивляться сегодня несколько притупилась.

И он, морщась от боли, протянул Алексею открытую, пусть и перепачканную грязью, ладонь. И это рукопожатие, состоявшееся в грязном проулке незнакомого губернского города Российской Империи в 1887 году, стало тем самым моментом, с которого и началась их история.

— Ну-с, Алексей Воронцов, — Дмитрий, прихрамывая, подобрал с земли изорванный картуз и с сомнением на него посмотрел. Тулья была проломлена, козырёк висел на честном слове. — Кажется, шляпа приказала долго жить. А ведь всего неделю назад отдал за неё пять рублей у Лемерсье. Знаете, есть такая примета: если в один день тебя избили, ограбили и лишили шляпы — жди гостей из будущего. Прямо по Гоголю.

Алексей невольно хмыкнул. Шок понемногу отпускал, уступая место нервному, почти истерическому веселью — так бывает, когда опасность миновала, а адреналин ещё гу-

ляет в крови.

— О! — Дмитрий оживился, на мгновение забыв о боли в рёбрах. — Так вы читали Гоголя? А по виду и не скажешь. Я уж грешным делом подумал, что вы — немецкий шпион в маскарадном костюме. Уж больно одёжа у вас чудная. Простите за прямоту.

— Это не маскарад, — Алексей невольно улыбнулся. — Это джинсы. И кроссовки. И толстовка. Обычная одежда там, откуда я прибыл.

— Джин-сы, — по слогам повторил Дмитрий, смакуя незнакомое слово. — Звучит как ругательство. «Ах ты, джинсы ты этакие!» Нет, не ложится на язык. А «толстовка» — это, надо полагать, в честь графа Льва Николаевича? Он, говорят, тоже любил простые рубахи. Впрочем, сейчас не об этом. Вы спасли мне жизнь, и я ваш должник. Предлагаю продолжить разговор в более подходящем месте, где не пахнет навозом и не рискуешь получить сапогом по голове. Я остановился в номерах Михайлова, это на Дворянской. Правда, в вашем виде вас туда не пустят. Метрдотель — старый хрыч с бакенбардами, который до сих пор считает, что после реформы шестьдесят первого года мир покатился в тартарары. Представляю его лицо, если он увидит ваши... как их? Джинсы.

— Ни в коем разе. Что скажут о дворянине, который оставляет спасителя мокнуть под дождём? — Дмитрий сделал величественный жест рукой, но тут же скривился от бо-

ли. — Чёрт, рёбра... Короче, есть чёрный ход, через дворницкую. Игнатий — местный дворник, мой должник и конфидент. Он проведёт вас в мой номер. А я пока приведу себя в порядок и добуду вам что-нибудь из одежды, чтобы вы не смущали добропорядочных граждан.

— Идёт, — согласился Алексей.

Дмитрий попытался сделать первый самостоятельный шаг, но тут же охнул и схватился за рёбра. Лицо его исказила гримаса боли, и он невольно опёрся плечом о грязную стену сарая, возле которого они всё ещё стояли.

— Простите великодушно, — процедил он сквозь зубы, пытаясь сохранить остатки достоинства. — Кажется, эти господа поработали надо мной куда основательнее, чем я предполагал. Боюсь, без вашей помощи я рискую не дойти даже до ближайшего кабака, не говоря уже о Дворянской.

Алексей без лишних слов подошёл и подставил плечо. Дмитрий благодарно кивнул и, опираясь на него, сделал несколько шагов. Со стороны они, должно быть, напоминали двух подвыпивших гуляк, возвращающихся с ночного кутежа: один — в изорванном дворянском сюртуке, с разбитым лицом, второй — в диковинной одежде, которую местные обыватели ещё долго будут обсуждать. Впрочем, в сумерках, начинавших сгущаться над городом, их странный вид не так бросался в глаза.

— Нам повезло, что смеркается, — заметил Дмитрий, словно прочитав его мысли. — Днём нас бы уже остановил

первый же городской. А так, глядишь, примут за подгулявших купчиков. Только вот идти надо осторожно: на Тверской в это время полно извозчиков и разносчиков. Чем меньше нас запомнят, тем лучше.

Они двинулись вверх по проулку, который постепенно расширялся и переходил в более широкую улицу, мощенную булыжником, а не просто утоптанную грязью. Алексей поддерживал Дмитрия за талию, чувствуя, как тот при каждом шаге едва сдерживает стон. Один раз Дмитрий всё же споткнулся о выступающий камень и выругался — изысканно, по-французски, явно сдерживая более крепкие выражения из армейского лексикона.

— Дмитрий Петрович, может, возьмём извозчика? — предложил Алексей, оглядываясь по сторонам в поисках пролётки.

— Ни в коем случае! — отрезал тот, и в его голосе на мгновение прорезалась командирская сталь.

— Извозчик — это свидетель. А свидетели нам сейчас ни к чему. Потерпите, голубчик, тут недалеко. За Воскресенскими воротами — Тверская, а там и «Лоскутная» рукой подать. Лучшая гостиница в Москве, между прочим. Не какие-нибудь меблированные комнаты для приезжих коммивояжёров.

Алексей кивнул, мысленно отметив название. «Лоскутная». Он помнил это место по своим исследованиям. Гостиница была построена в 1870-х годах на Тверской ули-

це, прямо напротив дома генерал-губернатора. Фешенебельный отель с рестораном, читальней и даже электрическим освещением в части номеров — одним из первых в Москве. Здесь останавливались писатели, чиновники, приезжие аристократы. И, что характерно, здание это, хоть и в перестроенном виде, сохранилось до его времени. Если память не изменяла, на месте «Лоскутной» в будущем будет находиться гостиница «Националь», а старый корпус станет её частью. Странное, щемящее чувство — идти по улице, которая через сто с лишним лет станет туристической меккой, а сейчас это просто московская мостовая, грязная и тёмная, с редкими масляными фонарями и собачьим лаем в отдалении.

Они миновали узкий проход между двумя бревенчатыми домами и вышли к небольшой площади, в центре которой темнел силуэт водоразборного фонтана — чаша на каменном постаменте, окружённая лужами и несколькими фигурами с ведрами. Пахло мокрым камнем и речной водой. Две бабы в платках, наполнявшие ведра, покосились на странную пару, но ничего не сказали — в Москве привыкли не совать нос в чужие дела.

— Привал, — скомандовал Дмитрий, тяжело дыша. — Минуту, Алексей. Сердце колотится, как после штыковой атаки.

Он прислонился к холодному камню фонтана и закрыл глаза. В тусклом свете масляного фонаря его лицо казалось ещё бледнее, а синяк на скуле наливался угрожающей лило-

визной. Алексей присел рядом, переводя дыхание и одновременно сканируя взглядом улицу. Привычка оценивать обстановку, выработанная на стройках и в ночных клубах Петербурга, работала и здесь. Он отмечал каждую деталь: вот проехала пролётка с поднятым верхом, вот в подворотне мелькнула тень — то ли кошка, то ли человек, вот на углу зажёгся огонёк папиросы — кто-то курит, прислонившись к фонарному столбу. Город жил своей вечерней жизнью, и эта жизнь была пугающе, до дрожи реальной. Не кино, не реконструкция. Настоящая.

— Дмитрий Петрович, — тихо спросил он, — а почему именно «Лоскутная»? Вы сказали — Дворянская улица, номера Михайлова. Я думал...

— А, это я вас запутал, — Дмитрий слабо усмехнулся. — Михайлов — это управляющий. А гостиница — «Лоскутная». Я всегда говорю «у Михайлова», потому что он меня в лицо знает и в долг верит. Старый плут с бакенбардами, но дело своё знает. При гостинице — ресторан, кухмистерская, даже читальня с газетами. Я там уже третью неделю квартирую, пока не решу дело с именем. Но про Дворянскую я действительно соврал. Это на Тверской. Простите великодушно, привычка. Военная наука: никогда не называй точный адрес в присутствии посторонних, даже если эти посторонние — всего лишь курицы в сарае.

Алексей невольно хмыкнул. Паранойя этого человека была ему симпатична. В конце концов, именно паранойя помо-

гает выжить, когда ты — чужак в чужом времени.

— Отдохнули? — спросил он. — Двинемся дальше?

— Двинемся. Только медленно. Как старые генералы на параде.

Они обогнули фонтан и вышли на Тверскую. И вот тут Алексей на мгновение замер, забыв о роли опоры для раненого друга. Тверская улица 1887 года была совсем не похожа на ту Тверскую, которую он знал. Вместо асфальта — булыжная мостовая, по которой громыхали колёса пролёток и ломовых телег. Вместо ярких витрин бутиков — тусклые окна лавок с деревянными ставнями и вывесками, написанными вязью с ятями: «Торговля колониальными товарами», «Суконная лавка братьевъ Носовыхъ», «Аптека Штоля». Трогуары были деревянными — дощатые настилы, кое-где покосившиеся и прогибающиеся под ногами, с лужами, которые приходилось обходить. Электрических фонарей здесь не было, только масляные и редкие газовые, отбрасывающие дрожащий желтоватый свет на мокрую брусчатку. Воздух был пропитан смесью запахов: лошадиный навоз, дёготь, печной дым, откуда-то из открытой двери трактира тянуло жареным луком и кислым пивом. И шум — стук копыт, окрики извозчиков, обрывки разговоров, далёкий граммофон из чьего-то открытого окна.

— Нравится? — Дмитрий заметил его заворожённый взгляд. — Москва-матушка. Такая, какая есть. Не Париж, конечно, но своя прелесть имеется. Вон, видите здание с ко-

лоннами? Это дом генерал-губернатора. А мы — почти пришли. Наш отель — прямо напротив.

Алексей перевёл взгляд. «Лоскутная» стояла на противоположной стороне Тверской — четырёхэтажное здание с лепниной на фасаде, большими арочными окнами и массивной вывеской: «ГОСТИНИЦА «ЛОСКУТНАЯ» съ рестораномъ и кухмистерской». Перед парадным входом горели два газовых фонаря, отбрасывая на мокрый тротуар оранжевые блики. У подъезда стояло несколько пролёток, извозчики лениво переговаривались, поджидая седоков. Швейцар в лирее с золотыми позументами чинно прохаживался вдоль дверей.

— Нам туда, — Дмитрий кивнул в сторону от парадного входа, в тёмную арку, ведущую во двор. — Чёрный ход — наше спасение. Швейцар, конечно, душа-человек и тоже мне должен, но чем меньше глаз — тем целее шкура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.